

Воронцов Д.В.,
к.пс.н. доцент факультета психологии
Ростовский государственный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

**«МУЖСКОЕ?»... «ЖЕНСКОЕ?»... «ПРОСТО ИНОЕ!»:
КВИР-ТЕОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИИ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Признание культурного многообразия является ключевой идеей современного общества, оказавшей влияние и на развитие гендерных исследований. Однако без предварительного анализа предпосылок возникновения этой идеи, как доминирующей установки нынешнего научного познания, трудно понять причины отказа от традиционного анализа мужского и женского в психологии, и в более широком контексте: отказа от фиксированного в жестких категориях процесса осмысления феноменов маскулинности и фемининности в постмодернистской культуре в целом.

Начиная с эпохи средневековья, в европейской культуре доминировали идеи четкого различения «совершенного» и «несовершенного» бытия человека в мире.¹ Конечность и изменчивость повседневного (актуального) бытия человека в постоянном сравнении с идеальным образцом (кем должен быть этот земной человек в соответствии с Божественным замыслом) привели к истолкованию земного («текучего», процессуального) характера человеческой жизни в терминах промежуточного состояния, требующего обязательного самоопределения по отношению к «вечным», неизменным ценностям. Одним из таких терминов, выполняющем функцию напоминания об идеальном Божественном проекте, и выступило введенное философом Августином понятие «современность» («модерн»). Так, христианская религиозно-философская мысль средневековой Европы надолго определила культурные рамки видения и объяснения многообразных феноменов человеческой жизни, в которых и возникла классическая психология. Это рамки постоянного сравнения имеющихся в человеке личностных и поведенческих характеристик с негативным и позитивным образцом (проектом Сатаны или Господа), к примеру, мужественности или женственности. При этом реальные паттерны поведения и личностные характеристики обычно рассматриваются классическим знанием, как лишенные духовного смысла (Божественного провидения) и подчиненные прозаическим (профаным, тленным и т.п.) интересам.

Подобные представления привели к иерархизации многообразных форм проявления гендерных характеристик личности, что поныне находит отражение в одной из распространенных трактовок понятий маскулинности и фемининности в качестве нормативных (предписывающих) категорий, обозначающих совокупности идеальных, желательных образов того, какими должны быть мужчины и женщины.²

Однако постоянный конфликт двух ипостасей человеческого (сакрального/идеального и профанного/повседневного) придал импульс к осмыслению человеческого бытия как многослойного, неоднозначного, включающего в себя одновременно черты «идеального» проекта и «несовершенного» («незавершенного») существа, стремящегося к реализации (приобретению, например, в ходе социализации, если выразиться языком современной психологической науки) всех своих нормативных характеристик. Не отрицание, но изменение повседневности, активное утверждение идеального образца «совершенного» человека – эта идея послужила толчком к развитию науки как средства достижения желаемого. Со времен Реформации развитие научного знания оказывается неизбежно связанным с проблематизацией житейских (повседневных) представлений о человеке, в т.ч. – о гендерных аспектах его

¹ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.

² Кон И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетей, 2001, с. 571-572.

существования. Развитие знаний, таким образом, детерминировано не столько внутренними противоречиями психологических концепций, сколько изменяющимся социальным, культурным и политическим контекстом, в котором наука выступает одним из институтов, обеспечивающих эффективное (или неэффективное) социальное функционирование.

Наука как порождение эпохи модерна, характеризующейся параноидальным стремлением к утверждению в актуальной жизни некоего идеального образца, с неизбежностью должна была обратиться к некоторым «объективным» основаниям, оправдывающим истинность утверждаемого идеала и их независимость от субъективных ценностных предпочтений конкретных «конечных» и «несовершенных» людей. Это основание ретроспективно было найдено в природе, которая заменила науке концепт Бога как Отца-основателя идеального проекта «Человек». При этом реальные люди, взаимодействующие мужчины и женщины, оказались существами, находящимися в особом промежуточном состоянии на пути от недочеловека к совершенному (с точки зрения природы) созданию. Идеология эпохи модерна, окончательно сложившаяся после Реформации, создала установку на поиск и изучение (и соответственно – признание в качестве безусловно возможных) в человеческой личности только тех признаков (характеристик), которые характеризуют (доказывают) следование идеалу. При этом отклоняющимся от «генеральной линии» проявлениям человеческого такая наука не оставляла ни малейшего социального пространства, объявляя их «извращениями» (перверсиями), «девиациями», «болезнями» (патологией).

Эпоха модерна обременяет человека многочисленными образцами действия, между которыми необходимо осуществлять беспрестанный и безошибочный выбор. В этих условиях неизбежно возникает контовский концепт «социальной утопии» о достижении совершенного и счастливого универсального порядка, успешно поддерживаемого усилиями государства, науки и права: т.е. усилиями тех, кто определяет актуальный на сегодня «образец». Так в науке возник специфический дискурс насильственного изменения человека, склонного к движению «вниз», и поиск разнообразных манипуляций, позволяющих направить развитие его личности именно в сторону идеального образца. И психология оказалась именно той дисциплиной, которая занялась разработкой этих самых манипуляций.

Модерн выступил эпохой, породившей значение чего-либо по сравнению или по контрасту с предшествующим или «иным».¹ Иными могли быть любые группы, наиболее ярко отличающиеся от утверждаемого образца «совершенного человека»: лица с особенностями психической деятельности, сексуальные, этнические и иные меньшинства. Наиболее проблемной сферой человеческого бытия, в которой ярко проявлялось несоответствие идеальному проекту «совершенного разумного человека», в XIX в. выступила сфера сексуальности, в которой доминируют иррациональные гедонистические мотивы и которую трудно удержать под контролем социальных институтов, призванных управлять процессом формирования адекватного идеалу человека Разумного. Если обратиться к истории развития психологических исследований гендерных аспектов человеческой личности, то эти исследования начинались в XIX в. изучением личности женщины как особой версии «Иного» (в сравнении с мужчиной как венцом Божественного творения, согласно христианской идеологии). Поначалу исследования «женской» психологии опирались на представление о наличии общих черт особого «женского» типа личности, психической структуры, связанных с общим для всех женщин субъективным опытом. В основе общности этого опыта естественно полагался биологический пол, предполагавший акцентирование исследовательского внимания на различиях между мужчинами и женщинами (разный пол, разные социальные статусы, роли и т.п.).

Однако общность жизненного опыта на основе биологической общности оказалась эфемерной: субъективный опыт белых и черных, гетеросексуальных и гомосексуальных, богатых и бедных женщин с точки зрения содержания и выраженности психосоциальных характеристик общения и поведения априори и не мог быть одинаков. Учет социально-

¹ Modernization and industrialization. The Encyclopedia Britannica. Vol. 27. N.Y., 1994, p. 282.

психологической ипостаси человека мужского и женского рода показывает, что употребление категорий «женщина» и «мужчина» оставляет в тени важные различия внутри самих групп, объединенных исследователями только по признаку биологического пола. Сексуальные предпочтения, классовые, этнические, расовые различия не позволяют рассматривать женщин и мужчин в качестве целостных и неизменных единиц анализа.

Противоречивое модернистское стремление к универсализации и унификации проявлений личности, сочетающееся с провозглашением ценности индивидуального, персонифицированного существования, неизбежно должно было привести к кризису. Главной причиной которого стало критическое напряжение между идеальной и маргинальной моделями реально существующего человека. Как следствие, европейская культура постепенно начинает не только признавать наличие маргинального опыта, но признавать также его право на существование наравне с «универсальным (идеальным) проектом».

Модернистская трактовка общества как совокупности «частичных» индивидов имплицитно заключала в себе возможность более терпимого отношения к проявлениям социокультурной инакости в случае исчезновения объединяющей идеи – «великого проекта» по созданию совершенного человека. Культивируя разнообразие и новизну, черпаемые из повседневности, снимая заключенную в понятие модерна дихотомию «высшего» и «низшего», эпоха модерн постепенно размывает заключенную в ней монолитность и универсальность объединяющей социальной идеи «великого проекта». Грядущее общество начинает, по образному выражению Ж.-Ф. Лиотара, соотноситься с «движением материальных частиц».¹ Мир расплывается в этих частицах и начинает жить вне онтологических смыслов.

Четкой иерархии «верха» и «низа» в культуре уже не отмечается. Их противоречие снимается не путем синтеза оппозиций, а путем изменения «сетки координат»: на место бинарной иерархии идеального и профанного (должного и имеющегося) приходит ортогональная проекция одновременности и равновозможности. Синхронизация многообразия проявлений личности в культуре и социуме теряет смысл: каждый человек и феномен занимает свое место в неоднородном пространстве. На первое место выходит не проблема синхронизации, а проблема «мирного со-существования» различных социальных частиц.

В разорванном времени постиндустриального общества нет места для понятия модерна, поскольку исчезает идея непрерывного прогресса как достижения идеального образца. Здесь уже важны отношения между равновозможными социальными фактами и то, что эти факты означают для конкретных людей, и насколько эти факты не грозят уничтожением другим фактам. Мера соотношения повседневности с идеальной моделью исчезает. Остается только одна действительность: человек, существующий здесь и теперь. Другими словами, остается только повседневность, от которой уже не требуется избавляться, но которую нужно просто принять в ее данности.

Общество, лишенное идеи модерна, становится постмодернистским. Оно уже не требует от человека умения различать «временное» и «вечное», «идеальное» и «повседневное». В культуре постмодерна обнаруживается, что «объективный» мир есть всего лишь языковая реальность, наполненная не онтологическим, а субъективным, переменчивым, текущим человеческим смыслом.

Общество больше не претендует на установление универсальности тех или иных культурных норм, поскольку универсализация означает репрессивность других элементов социокультурной реальности. Важным для культуры постмодерна оказывается умение заново переосмысливать уже известные темы, а не создавать новые. Тем самым человек полностью переориентируется на будничность, повседневность, феноменальность.

Повседневность выступает той социальной средой, которая непосредственно окружает человека, и в которой он реально находится «здесь и теперь», без всякой отнесенности к идеальному «проекту».² В определение повседневности включаются разнообразные жизненные

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998, с. 11.

² Савченко Л.А. Повседневность: методология исследования с позиций социальной философии и «понимающей» социологии. Диссер... д.ф.н. Ростов-на-Дону, 2001.

практики, действия, формы мышления, взаимоотношения между людьми, которые существуют в «настоящем», актуальном пространственно-временном континууме конкретных индивидов. Она образует непосредственное поле взаимодействия индивидов как отдельных социальных акторов и социума как некоторой функциональной структуры. В этом пересечении складываются и воспроизводятся жизненно важные социальные отношения, приобретающие вид конкретных практик, в которых будничные стереотипы выступают в роли эмерджентных (спонтанно возникающих) регуляторов взаимодействия.

Откуда же тогда берутся психологические различия, если они не связаны напрямую с видимыми физиологическими различиями, с объективным основанием пола? Гендерные различия в эпоху пост-модерна начинают пониматься не только как биологически детерминированные: они в не меньшей мере конструируются нами в рамках определенных систем отношений между мужчинами и женщинами, между разными мужчинами и разными женщинами в дискурсивном пространстве маркирования отношений между ними вербальными и символическими средствами. Более того, с низвержением утопической идеи «идеального проекта человека» исчезает и необходимость в абсолютном контроле над людьми посредством академической формы рациональности – науки. Наука перестает быть средством поиска истины. Она превращается в многоголосие толкований смыслов. Гендерные различия становятся продуктом различного истолкования личности мужчин или женщин, занимающих различные социальные статусы в силу некоторых обстоятельств.

В преддверии наступления эпохи постмодерна рамках психоаналитического направления в психологии был выдвинут тезис о том, что конструирование личностных и поведенческих различий между мужчинами и женщинами связано с сексуальностью, с процессами оформления сексуального желания (наряду с экономическими, политическими и культурными факторами различия «мужского» и «женского»). Наличие культурных образцов выражения сексуального желания разделяет людей на соответствующее количество гендеров. Другими словами, количество гендерных идентичностей в той или иной культуре зависит от того, насколько дифференцированным является данное общество в отношении качественной определенности различных видов сексуальных отношений. И если гендерные различия формируются в дискурсивном поле маркирования отношений между мужчинами и женщинами, имеющими различные сексуальные желания, наличие в культуре некоего числа категорий, фиксирующих существенные с точки зрения этой культуры отличия какого-либо сексуального опыта, выступает диверсифицирующим фактором гендерного самоопределения индивида в таком обществе. Так в психологии сформировалась готовность к принятию идеи о множественности гендеров, выдвинутая Т. де Лауретис.

Однако если мы примем сексуальность в качестве одного из важнейших факторов различия мужского и женского, неизбежно возникает вопрос: может ли сходство сексуальной ориентации выступать достаточным основанием для определения тождественности людей, ею обладающих? Будут ли геи и лесбиянки составлять особую группу? Нет причин предполагать, что они имеют больше общего между собой, чем с гетеросексуальными мужчинами и женщинами. Будут ли гетеросексуальные мужчины и женщины тождественны друг другу в своей гомофобии? Тоже маловероятно. Ни пол, ни сексуальность, таким образом, не могут претендовать в возникшей культуре эпохи пост-модерна на то, чтобы быть единственным критерием различия мужского и женского.

Инакость (квирнесс) – одно из понятий нынешних гендерных исследований, которое помогает избежать категоризации людей только по признаку пола или сексуальности. Каков бы ни был пол, каковыми бы ни были врожденные желания – человек может относительно свободно самоопределяться в пространстве основных гендерных координат, образовывать или примыкать к различным группам, создаваемым по различным основаниям. Быть «квир» значит отрицать стабильность желаний (и нормативную гетеросексуальность, и маргинальную гомосексуальность). Инакость может становиться моделью идентичности (квир-идентичность). С ее появлением умирает культурная конвенция 19 века относительно жесткой гендерной категоризации. И гендер, и квир позволяют усомниться в кажущихся фиксированными

идентичностях, создавая новый способ размышления о процессах дифференциации мужского и женского в культуре.

Однако несмотря на сильные аргументы в пользу континуальности, текучести мужского и женского в современной пост-модернистской культуре, тем не менее, многие мужчины и женщины стремятся воплощаться именно как мужчины и женщины в традиционном смысле этих слов. Почему? Есть ли здесь влияние биологии? В сегодняшней науке есть и альтернативное объяснение этому феномену.

Если маскулинность и фемининность являются дискурсивными феноменами, то язык выступает неким «социокодом», обобщающим индивидуальный опыт личности и презентующим его другим. В коммуникации повседневности существуют определенные стабилизаторы, защищающие ограниченность индивидуального социального опыта личности во взаимодействии с другими равными членами социума – это предрассудки и идеологии. Предрассудки выполняют двоякую функцию в жизни повседневного человека: они объединяют людей в сообщества и разделяют их на «своих» и «чужих» других. Предрассудки имеют выраженный когнитивный характер: это знание, основанное на чувстве и предварительном неполном знании, а не на разуме и просвещенности. Это знание, олицетворяющее эмоционально комфортный порядок в текучей повседневности изменчивых конфигураций гендера. Повседневность и не стремится избавиться от предрассудков, поскольку они выступают первичным базисом социального взаимодействия, ограничивающим свободу гендерного самоопределения. Этот первичный базис может регулироваться вторичным знанием, которое строится с учетом информативных и познавательных моментов, задаваемых на уровне идеологии и политики конкретного социума. Быть «квир» – достаточно сложная задача для большинства людей, включенных в повседневные практики взаимодействия на основе сексуальных признаков. Однако расширенный спектр восприятия возможных гендерных характеристик уже не позволяет однозначно воспринимать феномены маскулинности и фемининности, как в до-пост-модернистскую эпоху.

Таким образом, возможно, правомерно утверждать, что современные психологические исследования должны касаться не человека мужского или женского пола, но мужского или женского рода как не более чем грамматической категории, задающей сетку видения поведенческих и личностных различий и загоняющих нас в матрицу дихотомической, «неразрешимой» дилеммы «Мужчины с Марса, женщины с Венеры». Ведь в противном случае, вряд ли научное знание сможет обеспечивать эффективное социальное функционирование в изменившемся мире эпохи пост-модерна.